

The background of the book cover is a stylized illustration of a landscape. It features rolling green hills, a winding yellow path, and a small red building with a brown roof. Several tall, thin, dark green cypress trees are scattered across the landscape. In the foreground, there are dark, silhouetted trees. The sky is light blue with several white birds in flight. Four horizontal strands of barbed wire are superimposed over the entire scene, creating a sense of confinement or restriction.

Сами Модiano

РАДИ ЭТОГО Я ВЫЖИЛ

История итальянского
свидетеля Холокоста

Жизнь в лагере смерти. Пронзительные истории выживших

Сами Модiano

**Ради этого я выжил. История
итальянского свидетеля Холокоста**

«ЭКСМО»

2013-2018

УДК 929(450)
ББК 63.3(4Ита)-8

Модиано С.

Ради этого я выжил. История итальянского свидетеля Холокоста /
С. Модиаго — «Эксмо», 2013-2018 — (Жизнь в лагере смерти.
Пронзительные истории выживших)

ISBN 978-5-04-192154-5

Пронзительная история самого известного итальянского узника Холокоста — об ужасах Аушвица, потере всей семьи и странствиях в поисках новой жизни 1938 год. Восемилетний Сами Модиаго из еврейской общины Родоса, оккупированного войсками Муссолини, впервые узнает, что он не такой, как все: его исключают из школы и больше не разрешают учиться. Через несколько лет остров переходит под контроль нацистов, и общину депортируют в Биркенау, самый страшный освенцимский лагерь смерти. Двенадцатилетнему мальчику предстоит пережить разлуку с сестрой и видеть медленное угасание отца. И самому выживать в нечеловеческих условиях...

Пережив «марш смерти» и бежав из лагеря, Сами оказывается на линии фронта с советской армией. А затем пешком добирается до Италии — только чтобы осознать, что у него больше нет дома: в концлагерном аду сгинула почти вся еврейская община Родоса... Спустя годы скитаний и тяжелого труда он понимает: единственный способ примириться со своим прошлым — это помнить. И говорить от лица тех, чьи голоса замолкли навсегда.

«Именно для этого нужна моя книга. Поддерживать память о тех, кто сгинул в газовых камерах и не выдержал ледяных ночей в Аушвице. Теперь я говорю за них». ----- «В этот день я словно потерял невинность: утром проснулся еще ребенком, а спать лег уже евреем". Вот как Сами Модиаго, переживший Холокост, вспоминает тот день, когда из-за расовых законов его выгнали из школы на Родосе. Это был только первый шаг к ужасу. Фактически Сами был одним из 2500 евреев общины Родоса, депортированных в Биркенау. И один из очень немногих выживших. "Почему я?" — задается он вопросом снова семьдесят лет спустя. Единственный ответ

— чтобы рассказать. Чтобы не забыть». — Corriere de la Sera В формате PDF
А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929(450)
ББК 63.3(4Ита)-8

ISBN 978-5-04-192154-5

© Модiano С., 2013-2018
© Эксмо, 2013-2018

Содержание

1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сами Модiano Ради этого я выжил История итальянского свидетеля Холокоста

Sami Modiano

PER QUESTO HO VISSUTO

LA MIA VITA AD AUSCHWITZ-BIRKENAU

E ALTRI ESILI

© 2013–2015 RCS Libri S.p.A. / Milan

© 2016–2017 Rizzoli Libri S.p.A. /BUR, Milan

© 2018 Mondadori Libri S.p.A. / BUR, Milan

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящаю эти страницы моей жене Зельме, которая
поддерживала меня своей любовью все эти годы, памяти еврейской
общины на Родосе и памяти всех тех, кого больше нет на свете*

1

Остров роз

Я родился на Родосе в 1930 году. Родос называли «Островом роз», потому что воздух там был напитан их ароматом. Я – один из немногих счастливых, кому повезло родиться в этом прекраснейшем месте.

Моего отца звали Джакоббе, он был уроженцем Салоников. Вместе с моим дедом Самуэлем он уехал в Америку на поиски счастья, но через несколько лет понял, что эта эскапада не принесет результатов. Вернувшись на родину, он не стал снова стучаться в ворота родного города, а решил поселиться на Родосе, найти там работу и наконец-то осесть окончательно.

Дед открыл магазинчик в Укимаду, на Пьяцца Бручата (Горелая площадь), которую так называли в память о пожаре, в свое время полностью уничтожившем ее. В этой лавочке он торговал скромными сувенирами и всякой мелочью.

На Родос дедушка Самуэль приехал уже овдовевшим стариком. Жил он очень скромно, довольствуясь малым. Для него работа в лавке была скорее способом скоротать время, держа свое предприятие в порядке и всегда имея возможность перекинуться парой слов с покупателями.

Дед и отец были представителями последней ветви семейства, которое разбредлось по всему свету, и проследить его пути у меня не было никакой возможности. Тогда было гораздо проще потеряться, чем найтись, и даже самые крепкие кровные узы подвергались суровому испытанию неизбежной горькой разлукой. В течение многих лет я пытался восстановить эти разорванные связи, но поиски мои не увенчались успехом: бесконечные миграции, войны и преследования, которым подвергался мой народ, погубили почти все следы. Когда ты вынужден покинуть родную землю в поисках работы, поскольку на кону либо работа, либо свобода, трудно думать о тех, кого оставляешь. Так случилось и в семье моего отца.

К примеру, у отца был брат, о котором я вплоть до последних лет ничего не слышал. Он эмигрировал во Францию, где и умер. Больше я о нем ничего не знаю. Единственное, что я знал точно, так это что у папы в Салониках оставались двоюродные братья. Фамилия их была Иакоэль, и, по чистой случайности, на следующий день после окончания Второй мировой войны я познакомился с одним из них. Его звали Джек. Я тогда находился в Афинах и, по странному стечению обстоятельств, натолкнулся на этого блестящего человека, представлявшего в моих глазах последнюю выжившую ветвь семьи моего отца, происходившую из его родного города, из Салоников.

Порой так случается, что место, где мы родились, много о нас не говорит. Так случилось и с отцом, которому на родной земле удача не улыбнулась. И в поисках этой удачи, проехав через Америку, он вынужден был осесть на Родосе и там начать новую жизнь.

Именно на этом прекрасном острове я получил свой маленький кусочек счастья. Именно здесь отец познакомился с мамой, Дианой Франко, девушкой из многочисленной семьи. Ее мать Рика произвела на свет двенадцать детей, и мальчиков, и девочек. В то время это не считалось редкостью, к тому же далеко не всегда все дети выживали. Семья Франко в этом смысле не была исключением: из двенадцати детей выжили только семеро, и одна из них стала моей мамой.

В браке моих родителей в 1927 году родилась моя старшая сестра Лючия, а через три года и я, Самуэль, по-семейному Сами.

Отцовская ветвь нашей семьи тоже выбрала Родос, чтобы вернуться и зажить там счастливо. На острове жила и его сестра Грация, жена еще одного Модиано, его кузена Моисея.

В то время браки между двоюродными родственниками были нередки. В их браке родились четверо детей: два мальчика, Саул и Самуэль, и две девочки, Луиза и Лючия.

Самуэль, которого, как и меня, называли именем деда, рос очень умным мальчиком. Я тогда был совсем маленьким, но о нем, уже взрослом человеке, у меня остались очень яркие воспоминания. Он служил в вооруженных силах Италии, дослужился до звания капитана и несколько лет прослужил на Сицилии. Закончив военную карьеру, он решил махнуть на все рукой и вернуться на Родос. Причины, по которым он завершил военную карьеру, остались загадкой, а может, я просто был слишком мал, чтобы их осмыслить. Но, как бы там ни было, Самуэль расстался с военной формой и нашел хорошую работу в банке. Он часто заезжал к нам в гости на велосипеде фирмы «Бьянки» и по вечерам развлекал нас игрой на фисгармонии.

История маминой семьи тоже полна отъездов и расставаний.

Моего деда с материнской стороны звали Джек. Я не могу его помнить, потому что он умер еще до моего рождения. Но мама часто рассказывала мне о его изобретательности и предприимчивости. Он занимался импортом дерева и угля из Турции и перевозил товар на «мауне», маленькой барже без мотора. Благодаря этому суденышку, которое было чуть больше обыкновенного плота, он создал неплохой товарооборот с крупными судами, курсировавшими мимо Родоса: снабжал их углем, то есть самым распространенным в то время топливом, и пополнял их съестные припасы. Таким образом, при минимуме средств и максимуме труда и изобретательности он организовал коммерцию, которая позволяла ему хорошо зарабатывать и содержать семью. У него был прекрасный дом в еврейском квартале, и, пока это было возможно, он гарантировал своим детям безбедную и спокойную жизнь. Они посещали итальянскую школу, а когда решили уехать с острова в поисках удачи, Джек убедил себя, что их отъезд не станет злополучной погоней за пустыми надеждами. Благодаря своим связям он обеспечил детей хорошими местами на пароходах, и они благополучно прибыли к месту назначения.

Может показаться странным, что дети из хорошей семьи, мои дяди и тетки с материнской стороны, должны были уехать, чтобы найти работу, но в общей сложности ситуация, в которой они находились, мало чем отличалась от той, в какой сейчас находится современная молодежь. Хотя мой дядя Джек и был человеком достаточно зажиточным, он не мог содержать детей в течение всей жизни. Кроме того, Родос был слишком маленьким, чтобы постоянно принимать все новые поколения работников. А потому, как это случается и сегодня, молодежь, закончив учебу, стремилась эмигрировать в более большие и богатые страны.

Эта повальная миграция, охватившая остров, началась в тридцатые годы, но первые ее волны можно было наблюдать еще в начале двадцатых. Даже если Родос и был местом достаточно благополучным, риск бедности постоянно подстерегал людей из-за угла. Многие покидали остров в надежде на более достойное будущее, и большая часть родни с материнской стороны выбрала именно такой путь. Когда я родился, все они уже эмигрировали. Например, две мои тетки с материнской стороны, Мария и Виттория, уехали в Америку еще до начала тридцатых годов, одна в Сиэтл, другая в Нью-Йорк. Их старший брат Ниссим выбрал Лос-Анджелес, а самый младший, Рубен, отправился в Бельгийское Конго, что по тем временам было решением весьма оригинальным.

Ни о ком из них я больше ничего не узнал. Они исчезли за горизонтом еще до моего появления на свет. Время от времени я слышал, как их упоминали в разговорах, и это всегда было связано с получением письма или фотографий с подтверждением первых экономических успехов: удачного брака, покупки дома с садом или новехонькой машины. Эти жизни никак не пересекались с моей, они шли своим чередом, и воспоминания, остававшиеся от известий о них, походили на все смутные воспоминания, которые эмигранты всех времен оставляют после себя.

Гораздо лучше я знал других женщин из маминой семьи. Я помню маминых сестер, Луну и Ризулу. Луна была замужем, но детей не имела, а вот у Ризулы их хватало: трое сыновей,

Самуэль, Джек и Садок, и три дочери, Рахель, Матильда и Рикучча. Судьба Рикуччи сложилась трагически: она попала в лагерь Аушвиц, едва выйдя замуж и родив ребенка. Да сжалится Господь над ее душой...

Но больше всех я любил бабушку Рику. Я тоже был ее любимчиком, и та ласка и забота, что доставались мне от нее, сделали мое детство незабываемым волшебным сном.

* * *

Еврейская община Родоса, к которой принадлежала моя семья, была довольно многочисленна. В начале XX века в ней насчитывалось около пяти тысяч человек. Община процветала, и, несмотря на чередование разных дней, везучих и невезучих, люди жили хорошо.

А когда в 1912 году остров перешел под юрисдикцию правительства Италии, положение местных евреев изменилось мало. Родос и весь архипелаг Додеканес, то есть десять греческих островов, расположенных вдоль Турции, в ходе итало-турецкой войны стали частью Королевства Италии.

Это были первые симптомы конца той эры, что четыреста лет назад началась с высадки на берег Родоса нескольких еврейских семей, изгнанных из Испании, которым оттоманский правитель открыл ворота острова.

Первые изгнанники селились в городском квартале, получившем потом название Джудрия («еврейский квартал»). Родосские евреи пользовались полной свободой передвижения, и при турках Джудрия никогда не была гетто. Шли века, и между турками и евреями на острове установились прекрасные отношения. Их сосуществование оставалось исключительно мирным.

За четыре века власти турок и сорок лет итальянской оккупации родосские евреи всегда сохраняли свои традиции, начиная с языка. По существу, в Джудрии самым распространенным языком был *ладино*, смесь иврита и испанского, очень похожий на старокастильское наречие. В нашей повседневной речи слова языка первых семей, изгнанных из Испании Фердинандом II Арагонским, звучат до сих пор.

Старый город Родос был настоящей средневековой жемчужиной в оправе крепостных стен. Чтобы попасть из нашего квартала в порт, надо было пройти через Ковские ворота, которые мы называли Морскими. Были и еще два небольших выхода к морю: ворота Эспехо, то есть Зеркало, служившие рамкой для сверкающих на солнце волн, и ворота Микаэля Амато, ныне ворота Святой Кaterины. Здесь, в тесной галерее некий Микаэль Амато владел лавочкой, битком набитой бочками с сельдью и сардинами и мешками с рисом и фасолью.

Чтобы попасть в верхнюю часть острова, надо было пройти в ворота Зивда, больше известные как Порты Коккинос, или Красные ворота. Здесь проходили кровавые стычки между мальтийскими рыцарями и оттоманским войском. Рыцари оборонялись под прикрытием городских стен, а турки шли в штыковую атаку. Кровь лилась потоками, отчего и такое название ворот: Красные.

Прошли века с тех пор, как турки прорвали оборону рыцарей и распространились по городу, и турецкая община начала уменьшаться в размерах. Ее члены селились ближе к Красным воротам, где в те давние времена их короновали властителями острова, а потом и вовсе ушли из города и расселились в окрестных полях. Они были отличными земледельцами и селились в деревнях и усадьбах неподалеку от горы Смиа, сколачивая себе на этих землях солидные состояния.

В отличие от турецкой общины община греческая укрепилась и усилилась внутри городских стен, и их квартал, Неохори, стал самым большим в городе. Он занимал все пространство до самого Сократуса, включая дома вокруг замка, и простирался до турецких бань.

Греки тоже занимались земледелием и выращивали овец, но были скорее народом морским, склонным к тяжелым работам. Они рыбачили с лодок, но славились еще и как прекрасные столяры и плотники. Производство молочных продуктов было отдано на откуп туркам, которые владели крупными стадами коров и со временем постигли все тонкости этого ремесла. Они были главными производителями различных сыров и снабжали население Родоса йогуртом, сливками и молоком. Продукцию свою они раскладывали по небольшим терракотовым емкостям и развозили по домам, а расчет производили в конце месяца.

Жизнь общины разворачивалась преимущественно в Джудрии. Там имелись пять синагог и, как и полагалось, коллегия раввинов. Всё было расписано по праздникам, и в урочные дни по улицам плыли вкусные запахи, и каждый дом источал дух святого праздника. Во время Пасхи (Песаха)¹, Пурима², Рош Гашана³, Йом-Киппура⁴ и прочих праздников женщины прихорашивались, принаряжались и готовили особые блюда. Бывали случаи, когда вся община вовлекалась в эту круговорот, и тогда в людях просыпалось глубинное ощущение себя частью одной большой семьи. И на весь день забывались все различия, а понятия «богатый» и «бедный» утрачивали свое значение. Было неприемлемо сесть за стол с сознанием того, что твоему соседу нечего есть. А следовательно, те, у кого было всего много, делились с теми, кому в жизни меньше повезло, чтобы все могли отпраздновать. Зажиточные семьи заботились о тех, кто располагал только самым необходимым для выживания, и единство общины укреплялось. Преломление хлеба создавало между людьми связь, которая была крепче связи кровной или племенной.

Праздники и трапезы, сопровождавшие их, определяли ритм Джудрии, трогали все сердца и наполняли каждый дом. Для того чтобы узнать, какой сейчас день, не надо было заглядывать в календарь, достаточно было принюхаться и определить, что готовят женщины. К примеру, если вкусно пахло мацой, это могла быть только Пасха. А значит, глава семьи должен собрать всех вокруг стола и угостить сладостями и запеканкой из кошерного мясного фарша, приготовленного с мацой. Эти фантастические рецепты наши женщины, в том числе и моя жена Зельма, знают очень хорошо. Под конец праздника все распевали пасхальные песнопения, и тогда мы, дети, обступали наших мам, тетюшек и бабушек, чтобы выучить слова. В то время радио было у очень немногих, а о телевидении никто и представления не имел. Зато женщины в каждой семье умели рассказывать разные истории, давать полезные и смешные советы, заставляя нас умирать со смеху от своих шуток и от своего поразительного театрального таланта. Они собирали нас дома, особенно зимой, и мы сидели на диване, плотно прижавшись друг к другу, чтобы согреться.

От одной смешной истории до другой мы пекли в жаровнях картошку и жарили каштаны, пока не наставал час идти спать.

В хорошую погоду праздник был еще веселее и ярче. На Родосе, к примеру, в последний день Пасхи обязательно выезжали на пикник. Ехали все. Женщины собирали корзины с едой, и у всех уже заранее были намечены места, куда поехать в последний день и вечер Пасхи. Кто ехал в Родос, кто в Трианду, кто в Сиригеллу, где были прекрасные песчаные пляжи. Те, кто досконально соблюдал закон, не решались завершать праздник таким образом, потому что для того, чтобы доехать до пляжей, надо было сесть в автобус, а на Пасху это запрещалось. Но большинство закрывали глаза на запреты: всем хотелось провести незабываемый день. На автобусе или без автобуса, но, прибыв на место, сразу расстилали скатерти, начинали чистить огурцы, резать помидоры с удивительным ароматом и все это поливать оливковым маслом.

¹ Праздник исхода из Египта, празднуется обычно весной. (Здесь и далее прим. пер.)

² Праздник избавления евреев в Персидской империи при царе Ахашвершне и его жене еврейке Эстер. В этот день дети «прячут лица», разрисовывая себя.

³ Новый год.

⁴ День искупления и прощения, когда просят прощения не только у Всевышнего, но и у близких.

Пикники заканчивались поздно вечером, и домой все возвращались с песнями. Я до сих пор помню запахи этих пиршеств на свежем воздухе: ведь для нас, детей, это были события, выходящие из ряда вон. Они врезались в память еще и потому, что обычно наш рацион разнообразием не отличался.

Наша еда была очень простой: вяленая рыба, фасоль, чечевица. Блюда бедные и питательные, рассчитанные на то, чтобы даже тот, кому почти нечего есть, мог держаться на ногах.

Одним из самых распространенных рецептов был такой: размочить до мягкости молодые виноградные листья, а потом свернуть их в трубочки и начинить смесью из риса, петрушки и маленьких помидоров. Те, кто побогаче, клали в начинку мясной фарш, а гарниром служили фасоль и помидоры.

Другим классическим блюдом, которое подавали по особым случаям, были *las cumidicas de los judios de Rodi*⁵. Готовили их долго, и самые простые ингредиенты, например лук, приобретали поистине королевскую изысканность, недаром его еще называли *sivoia riinata*, что означает *лук по-королевски*. Луковицы разрезали пополам, шелуху снимали, измельчали и обжаривали на сковороде, а сама луковица шла на начинку из мясного фарша. Приготовленный таким образом лук обваливали сначала в муке, потом в яйце, потом обжаривали и запекали в печи вместе с гарниром.

Для этого блюда был нужен выносливый желудок и такое количество времени на приготовление, что увидеть его на столе было редкостью. Гораздо легче было приготовить *буррекитас*. Эти маленькие запеченные в печи трубочки с начинкой из баклажанов, картофеля или яиц ожидали нас всякий раз после возвращения из синагоги в субботу утром. Дух братства, объединявший нас, простирался гораздо дальше официальных праздников, потому что каждую субботу, возвращаясь домой из храма, мы получали множество приглашений от других еврейских семей и могли застрять в любом доме за разговорами и за *буррекитас*.

Если же с улицы ветерок приносил запах марципана, значит, через несколько дней будет либо свадьба, либо *Бар-мицва*⁶. Женщины бланшировали миндаль, размалывали его в кухонных мельничках, смешивали с сахаром и яичным белком и добавляли для аромата лимонное и апельсиновое масло. Достаточно было одной капли, чтобы запах пропитал все пространство вокруг дома, где намечался праздник, и собрал вокруг всю детвору. Когда же, после долгих часов обработки, смесь застывала, женщины принимались за следующий этап работы: лепили из пасты длинные круглые полоски и разрезали их на кусочки, украшая каждый серебристым драже.

Во время Йом-Киппура, наоборот, был положен пост. Все шли в синагогу, и не дай Бог что-нибудь съесть в течение дня. Однако на Родосе даже пост имел свои запахи. Да-да, потому что, когда наконец наступал момент пополнить энергию, все евреи принимались за тонкое питье: за *пипитаду*.

Летом женщины собирали семечки дынь, мыли их и клали сушиться на белую ткань. Накануне Йом-Киппура семечки толкли в бронзовой ступке, пока они не превращались в порошок. Порошок складывали в марлевый мешочек, перевязанный бечевкой, и погружали в графин с холодной водой. Порошок около часу мок в воде, и вода становилась молочного цвета. Воду держали всю ночь на свежем воздухе, время от времени отжимая мешочек, и в результате получался напиток пипитада, идеальный для продолжения голодания.

Однако моим любимым праздником был *Пурим*. Мы собирались на «Калле Анча», что по-испански означает «Очень широкая дорога», в самом сердце квартала, неподалеку от синагоги Шалом, и все дети принимались играть. А уже оттуда все отправлялись в экипажах по

⁵ Название блюда, вероятно, написано на ладино.

⁶ Религиозное совершеннолетие мальчиков, достигается в возрасте 13 лет. С этого возраста мальчик считается взрослым и, согласно предписаниям еврейских законов, обязан соблюдать все обряды. У девочек Бар-мицва наступает с двенадцати лет и называется Бат-мицва.

направлению к легендарному месту. В годы моего детства на Родосе только шесть еврейских семей владели экипажами и лошадьми. Практически они выполняли функции такси, зарабатывая себе этим на жизнь. За одну монету они отвозили нас в сад, которым владел местный турок. Там росли особые лимоны с очень плотной кожурой. Это путешествие длиной в каких-нибудь пару километров для нас, малышей, было огромным праздником. Возвращались мы с грузом лимонов, которые отдавали женщинам, а те готовили для нас из них цукаты, сласти и вкусное питье.

* * *

Моя семья обитала на Монте Смит⁷, но большую часть времени я проводил в еврейском квартале у двоюродных братьев и сестер. Если я не возвращался к ужину, мама даже не волновалась. Не надо было звонить по телефону, чтобы догадаться, что я остался на ужин в доме кого-нибудь из двоюродных сестер или у бабушки.

От тех лет крепче всего в памяти осталось ощущение безопасности. Ни разу за все время я не почувствовал, что мне грозит опасность, и у нас не было мест, которые надо было избегать и обходить стороной. Джудрия жила одной большой семьей. Ни барьеров, ни различий просто не существовало, и я спокойно мог сесть за стол в доме у кого-нибудь из приятелей, даже не получив никакого приглашения. Мы все друг друга знали и объединялись и в бедности, и в богатстве. Эту связь в наши дни очень трудно объяснить.

И эта глубокая связь вовсе не была продиктована религиозными соображениями.

На Родосе не было ультраортодоксальных евреев, и отличить еврея от других жителей острова было нелегко. Мы не носили никакой особенной одежды, даже *кипу*⁸ надевали только в синагоге.

Черную шляпу и короткую бородку носили только старички, но никто из них не стремился в этих символах выразить свою идентичность. В конечном счете эти символы становятся важными и драгоценными, только когда твоя идентичность подвергается риску и нападкам. В таких случаях заострять на них внимание и демонстрировать принадлежность к собственным корням равносильно вызову. Но на Родосе евреи жили в мире и согласии с другими этносами и религиями, и никто не чувствовал, что его идентичность находится под угрозой, а соответственно, не ощущал необходимости напоминать о своей истории всем, кто находился рядом.

Лично у меня никаких особых отношений с религией не было. Хотя в городе и были школы Всеобщего израильского альянса (Alliance Israelite Universelle), где дети учились до третьего класса, я посещал мужскую итальянскую школу, которая находилась за пределами городских стен. Посещать школу альянса я начал гораздо позже. Там я выучил французский язык и, спасибо маэстро Леви, постигал основы еврейской культуры и языка, но на это оставалось уже совсем мало времени.

В нашей семье никогда не царил дух приверженности религии. Мы соблюдали все обычаи, но не были фанатиками. К примеру, для нас, Модиано, соблюдение всех ограничений, связанных с *кашрутом*⁹, всегда было слабым местом. Мы, конечно, избегали свинины и других запрещенных продуктов, но без особой тщательности. Я рос в военное время, еды не хватало, и мы довольствовались тем, что было, невзирая на то, кошерное оно или нет. Когда наступили черные времена, нарушать запреты вынуждены были и те, кто свято чтит традиции. Когда

⁷ Монте Смит – высокий холм с античным акрополем, доминирующий над городом Родос. Назван в честь адмирала Смита, воевавшего с Наполеоном.

⁸ Кипа – традиционная шапочка, которую евреи надевали главным образом во время религиозных праздников.

⁹ Кашрут – сборник всех ограничений, связанных с пищей. Отсюда название пищи «кошерная», то есть та, которую можно есть.

Родос лишился возможности пополнять запасы пищи морским путем и мы оказались в буквальном смысле слова отрезанными от мира, голод довел людей до того, что за кусок хлеба они готовы были платить золотом. Мой отец изворачивался как мог, чтобы добыть пропитание для семьи. В таких условиях мало кто из евреев отказался бы от кусочка колбасы.

Мы были не единственными, кому религиозные законы устанавливали запреты на пищевые продукты. У наших соседей турок были те же проблемы, и, возможно, эта маленькая деталь поспособствовала тому, что у обеих наших общин с течением веков установились отношения солидарности.

У моего отца было много друзей среди турок, и он всегда говорил мне: «Если ты завоевал дружбу турка, можешь слепо ему доверять, ибо ты получил друга навсегда. Друг турок никогда не предаст и не ударит в спину. И если что-то захочет тебе сказать, скажет в лицо и не станет лукавить». Жизнь показала, что он был кругом прав, потому что я не раз видел, как мужественный турок с риском для жизни спасал священные свитки Торы.

Друзья турки часто заглядывали к моему отцу. Они, как и он, были страстными садоводами и могли часами обсуждать с ним по-турецки уход за посадками или фруктовыми деревьями. К их советам он очень прислушивался и считал их драгоценными. Как и многие родосские евреи, мои родители очень хорошо говорили по-турецки. Все, кто родился в XIX веке, еще до вторжения итальянцев в 1912 году, выросли во времена турецкого владычества и даже одевались на турецкий манер. То, что объединяло обе наши общины, было гораздо важнее того, что их отличало друг от друга.

С греческой православной общиной отношения сложились гораздо более напряженные. Хотя наши кварталы и соседствовали, различия между нами казались непреодолимыми. Конфликты, которые в мирное время никогда не переходили в открытую конфронтацию, вспыхнули в послевоенное время, когда после короткого периода контроля англичан остров стал греческой территорией. Те немногие, что выжили после холокоста и вернулись на Родос, не смогли реинтегрироваться. Все, кто хотел снова поселиться на острове, должны были отказаться от своего происхождения и попросить греческого гражданства. Это был самый настоящий шантаж. Многие сделали хорошую мину при плохой игре ради того, чтобы вернуть нажитое имущество. К примеру, моя кузина Лючия вышла на острове замуж и получила греческий паспорт без всяких проблем. А тем, кто уехал с острова еще до войны или был депортирован, в гражданстве отказали, и они лишились всего.

Я об этом шантаже не желал ничего знать и не принял его. Я родился на этом острове, который в то время был итальянской колонией, ощущал себя итальянцем и гордился тем, что я итальянец.

* * *

Жизнь еврейской общины проходила в русле коммерции и различных ремесел, а потому по большей части в пространстве от Колонны до Укимадо. Отсюда к турецкому берегу шли все торговые пути, которые почти полностью контролировали еврейские купцы. Торговлю с другими островами контролировали греки, перевозившие на своих шлюпках с Суми, Коса и Леро арбузы, дыни, огурцы и помидоры. Благодаря такой торговой сети и постоянному движению больших и малых кораблей Родос ни в чем не нуждался.

В Джудрии были представлены все ремесла, поскольку евреи, помимо своей необыкновенной способности к коммерции, были большими знатоками любого из ремесел. Дело доходило до того, что почти все греческие или турецкие ремесленники, проживавшие на острове, вышли из подмастерьев еврейских ремесленников и обзавелись своими лавочками. Я был знаком с одним из них, юным греком Марко, который учился у еврейского мастера, стал прекрасным ювелиром и даже выучил язык *ладино*.

В нашей общине трудились медики, фармацевты, электрики, гидравлики, ювелиры, портные, и нередко были случаи, когда один мастер владел сразу многими профессиями. Время было трудное, и людям приходилось исхитряться работать с тем, что было под рукой. Мы жили не в ту эпоху, где господствовало правило «воспользовался и выбросил», мы, наоборот, старались отремонтировать и перепрофилировать старые вещи. А потому все понемножку владели навыками небольших работ по домашнему имуществу.

Некий Альберто Бенвенисте владел сразу несколькими профессиями: он был электриком, гидравликом, стекольщиком и жестянщиком. Он умел ловко мастерить из оцинкованного железа ведра, чайники и котлы разных размеров, причем все, что он делал, отличалось известным артистизмом исполнения. Его изделия были действительно полезны, ибо оцинкованный металл не ржавел.

Альберто был другом моего отца и взял меня к себе в подмастерья, с тем чтобы я выучился всему, что умел он. Для него, имевшего дело с металлом и всеми видами соединительных швов и сварки, сконструировать трубопровод или гидравлическую систему не составляло труда и впоследствии стало основным заработком. День за днем наблюдая за ним, я научился множеству приемов преодоления проблем разного сорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.